

НИКОЛАЙ БУЛАНЬИ

MYKOLA BULANYI

Dniprowski Uniwersytet Narodowy im. Ołesia Honczara, Dniepr (Ukraina)

Летопись рода Бутовских:
**источниковедческие возможности изучения
позиций дворянства Левобережной
Украины накануне Великих реформ**

Историография Великих реформ на украинских землях Российской империи не отличается значительным количеством исследований. Особенно невнимательно историки отнеслись к изучению процесса подготовки Великих реформ в целом и Крестьянской в частности. К тому же в историографии он оказался крайне обезлюженным, а анализ позиций, взглядов, выявление мотивов обычно сводилось к обобщающему схематичному делению действующих лиц на революционных демократов, либералов и крепостников. Эпоха Великих реформ была переломным моментом в истории Российской империи, который сопровождался значительными социальными сдвигами. Многие из начинаний той поры вызвали бурные дискуссии как среди вершителей реформ, так и в обществе. Не смотря на то, что основной акцент реформ был направлен на решение общеимперских проблем и мало касался национальных вопросов, в их разработке принимали участие представители различных народов империи.

Дворянство Левобережной Украины (в терминологии XVIII–XIX вв. – Малороссии, включавшей Черниговскую и Полтавскую губернии) представляется региональным сообществом, единство которого во много определялось исторически. Край и после динамичной инкорпорации в систему империи в конце XVIII – начале

XIX вв. сохранял свою социокультурную и правовую специфику, что отразилось и на восприятии грядущих перемен, и на процессе их обсуждения. Однако настроения, ожидания, надежды, ситуативное изменение позиций, мотивации дворянства, активно подключившегося к обсуждению возможных изменений, прежде всего проблемы освобождения крестьян, остаются практически вне поля зрения украинских историков. Попытки некоторых исследователей¹ поставить проблему и расширить представления о региональной социальной элите в этот период, к сожалению, существенно не изменили историографическую ситуацию. Круг деятелей реформ, закрепившийся в украинской историографии, также до сих пор почти не изменился.

Необходимость изучения человеческого измерения реформы требует не только расширения числа участников за счет отдельных персоналий и целых дворянских корпораций, но и привлечения новых источников, иных подходов к их прочтению, а также перепрочтения уже введенных в научный оборот. В этой связи мое внимание привлекло произведение «В родном гнезде (Летопись рода Бутовских)», составленное генералом Алексеем Дмитриевичем Бутовским на основе материалов семейного архива и собственных воспоминаний. Этот текст вместе с мемуарами «Прекратившийся род» был написан в последние годы жизни А. Бутовского – в 1915–1916 гг. Особенностью его создания явилось то, что, утратив зрение, генерал диктовал «Летопись» жене Анне², дочери купца 2 гильдии Василия Горохова³.

Можно предположить, что бездетный А. Бутовский восстанавливал семейную хронику для родственников и потомков⁴. Примечательно, что среди потенциальных читателей-родственников были и Эйзенштейны, что важно в данном случае,

¹ Т. Литвинова, «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века, Москва 2019, 648 с.

² С. Бубка, Многогранная жизнь: кадровый военный, педагог, теоретик и практик физического воспитания, исследователь, деятель олимпийского движения, в: Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту, Харків 2012, № 3, с. 8.

³ Послужной список Генерала для особых поручений при Главном Управлении военно-учебных заведений, числящегося по армейской пехоте генерал-лейтенанта Бутовского, [online], [dostepny: <http://histpol.pl.ua/ru/petrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/vospitanniki-ppkk-generalny?id=1248>], [dostep: 8.09.2020].

⁴ Ibidem.

конвертированные евреи, получившие дворянство⁵. Так, брат автора источника – генерал от инфантерии Николай Бутовский⁶ – был дядей советского режиссера Сергея Эйзенштейна («дядя Коля, муж тети Шуры – генерал Бутовский, командовал Иркутским военным округом и умер от разрыва сердца в день аннулирования займов»⁷). При этом С. Эйзенштейн, несмотря на то, что генерал Н. Бутовский – «первый живой писатель», которого тот видел, не весьма лестно отзывался о нем: «Он был чрезвычайно скуп в быту. Настолько скуп, что умер от разрыва сердца в день национализации военных займов в 1917 году. Не менее скуп он был и в литературном ремесле. Он не тратил, например, времени на описание природы. "... Был один из тех рассветов, которые так неподражаемо описывает Тургенев..." – можно было прочесть среди других перлов его генеральского пера. В свободное от литературы время сей боевой генерал в кровь дробил могучим кулаком челюсти своих денщиков»⁸.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и историко-культурный контекст написания и публикации «Летописи рода Бутовских»⁹. События Первой мировой войны и нарастание проблем в империи способствовали усилению общественного интереса к эпохе реформ Александра II. Поскольку нерешенность ряда вопросов в ходе Великих реформ становилась снова актуальной для развития общества, это, очевидно, подтолкнуло А. Бутовского к обнародованию своих воспоминаний.

Важно подчеркнуть, что этот источник публиковался без изменений несколько раз¹⁰. По данным А. Суника, имя генерала

⁵ Дело Гербового Отделения Третьего Департамента Правительствующего Сената «О составлении и представлении на утверждение Правительствующего Сената герба рода дворян Эйзенштейнов», Российский государственный исторический архив, ф. 1343, оп. 49, д. 2003, л. 4.

⁶ Бутовский Николай Дмитриевич, в: *Военная энциклопедия*, Санкт-Петербург 1911, т. 5: *Бомбарда-Верещагин*, с. 166.

⁷ Р. Юренев, *Сергей Эйзенштейн: Замыслы. Фильмы. Метод*, Москва 1985, ч. 1. 1898–1929, с. 20.

⁸ С. Эйзенштейн, *Творения Дагерра*, в: *С. Эйзенштейн, Мемуары*, Москва 1997, т. 1: *Wie sag'ich's meinem Kinde?!*, с. 249–250.

⁹ Л. Репина, *Как пишется история*, в: Л. Репина, В. Зверева, М. Парамонова, *История исторического знания*, Москва 2006, passim, [online], [dostepny: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/repina2.htm>], [dostepny: 8.09.2020].

¹⁰ *Q.v.*: А. Бутовский, *В родном гнезде (Летопись рода Бутовских)*, в: *Русская старина*, Петроград 1916, т. 167, кн. 9, с. 364–373; *ibidem*, т. 168, кн. 10, с. 86–114; *ibidem*, т. 168, кн. 11, с. 219–275; А. Бутовский, *В родном гнезде (Летопись рода Бутовских)*, Петроград 1917; *Из повести*

А. Бутовского впервые упомянул в советской печати В. Стрельников в работе «Институт Лесгафта 1893–1923», тогда как первые биографические сведения были поданы В. Короновским уже в послевоенное время (1946 г.). В дальнейшем краткие заметки о генерале встречались в учебной литературе по истории физической культуры 1960–1980-х гг.¹¹. Лишь к концу XX в. возродился интерес к А. Бутовскому как к деятелю Международного олимпийского движения: 1994 г. ему был установлен памятник в Санкт-Петербурге, 2006 г. – памятный знак в Полтаве, издан сборник сочинений, а в 2009 г. – «Собрания сочинений» в 4 т.¹². Не смотря на это «В родном гнезде» до сих пор остается в сфере интересов биографов автора, исследователей его литературного наследия, а также истории спорта. В более широкие научные контексты, в том числе и источниковедческие, произведение, как и другие работы А. Бутовского, до сих пор не введены. Не использовался этот богатый материал и историками украинской элиты и Великих реформ.

Для интерпретации исторического нарратива важно представить хотя бы краткий обзор жизни автора (происхождение, родственные связи, образование, деятельность), влиявшей на формирование мировоззрения, выстраивание взаимоотношений с окружающими и т. п. Накопленный жизненный опыт А. Бутовского не мог не сказаться на его оценках, спустя значительный промежуток времени экстраполируемых на события и людей.

А. Бутовский родился в 21 июня 1838 г. в семье Дмитрия Павловича Бутовского и Надежды Степановны Бутовской (урожденной

«В родном гнезде» А. Д. Бутовского, в: Алексей Бутовский. Олимпийский генерал, сост. Н. Поднебеснова, Киев 2008, с. 7–14; А. Бутовский, В родном гнезде (Летопись рода Бутовских), в: А. Бутовский, Собрание сочинений, в 4 т., сост. С. Бубка, М. Булагова, Киев 2009, т. 4, с. 296–388. Atque – Бібліографічний довідник. Олексій Дмитрович Бутовський – апостол олімпійського руху сучасності, Полтава 2006, 8 с.

¹¹ А. Сунік, Алексей Дмитриевич Бутовский, в: Фізична активність, здоров'я і спорт, Львів 2013, № 1, с. 13–14.

¹² Нарис про життя та діяльність Олексія Бутовського, в: Книжкова виставка «Олексій Бутовський – зачинатель сучасного олімпійського руху» Полтавської Обласної Універсальної Наукової бібліотеки імені І. П. Котляревського, [online], [dostępny: https://www.library.pl.ua/bibliotekarju/metodichni_materiali/apostol_olimpijskogo_rukhu/], [dostęp: 8.09.2020].

фон Райзер¹³, иногда ошибочно встречается Кореновой¹⁴) в с. Пятигорцах Лубенского уезда Полтавской губернии¹⁵. Дворянское происхождение Бутовских, внесенных Киевским дворянским собранием 28 мая 1784 г. в 4 часть дворянской родословной книги, тем не менее пришлось подтверждать Д. Бутовскому. Об этом свидетельствует решение Полтавского дворянского собрания от 20 декабря 1849 г. о внесении рода в 6 часть родословной книги, а также оспаривание Д. Бутовским сенатского решения об отказе в дворянстве от 31 января 1851 г. Сами же Бутовские выводили род от казацкой старшины, переселившейся в Гетманщину из Молдавии во времена гетмана Данила Апостола, и состоявшей в родственных связях с князьями Кантемирами¹⁶.

Детство А. Бутовский провел в родовом имении отца в с. Пелеховщина Кременчугского уезда¹⁷, хотя С. Бубка указывает на Лохвицкий уезд¹⁸, из-за чего некоторые авторы считают, что он там и родился. Однако это противоречит сведениям самого А. Бутовского на страницах изучаемого источника. Первоначальное образование он получил в пансионе Пельпор-Ганнот¹⁹, а в 1849–1856 г. обучался в Полтавском кадетском корпусе, который окончил в звании прапорщика лейб-гвардии Павловского полка. Учеба была продолжена в Константиновском артиллерийском училище (1853–1857 гг.) и Николаевской инженерной академии, где и завершилась в 1871 г.²⁰ С. Бубка разделяет обучение А. Бутовского в академии на 2 этапа: первый – с 1856 по 1858 г., второй – с 1870 по 1871 г.²¹ Однако эти даты не совпадают с послужным списком А. Бутовского. Так, пребывание в училище продолжалось до июня

¹³ М. Зубалій, *Історичні аспекти розвитку роду і сім'ї Олексія Бутовського*, в: *Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Фізичне виховання, спорт і здоров'я людини*, Кам'янець-Подільський 2008, т. 2, с. 181.

¹⁴ А. Суник, *op. cit.*, с. 18; *Нарис про життя...*, [online], [dostępny: https://www.library.pl.ua/bibliotekarju/metodichni_materiali/apostol_olimpijskogo_rukhu/], [dostęp: 8.09.2020].

¹⁵ О. Білоусько, В. Мирошніченко, *Нова історія Полтавщини. Кінець XVIII – початок XX століття*, Полтава 2003, с. 260–261.

¹⁶ М. Зубалій, *op. cit.*, с. 179.

¹⁷ А. Бутовский, *В родном гнезде...*, в: *Русская старина*, Петроград 1916, т. 167, кн. 9, с. 364; *idem*, *В родном гнезде...*, Петроград 1917, с. 1.

¹⁸ С. Бубка, *op. cit.*, с. 6.

¹⁹ М. Зубалій, *op. cit.*, с. 181.

²⁰ *Нарис про життя...*, [online], [dostępny: https://www.library.pl.ua/bibliotekarju/metodichni_materiali/apostol_olimpijskogo_rukhu/], [dostęp: 8.09.2020].

²¹ С. Бубка, *op. cit.*, с. 6.

1856 г., а в академии – до мая 1857 г.²² (по данным С. Бубки – до 1858 г., а потом обучение завершалось в 1870–1871 гг.²³). А. Бутовский принимал участие в боевых действиях во время польского восстания 1863 г., за что был награжден орденом Св. Анны 4 степени. В 1864–1865 гг. в звании штабс-капитана он командовал ротой. Вскоре началась его педагогическая деятельность – в 1871 г. назначили воспитателем Петербургской военной гимназии, а затем перевели в Главное управление военных учебных заведений. По другим данным педагогическая деятельность началась в 1858–1861 гг., когда А. Бутовский стал репетитором в Петрово-Полтавском кадетском корпусе²⁴.

Согласно «Военной энциклопедии», службу А. Бутовского можно разделить на 2 периода: 1. в должностях воспитателя, помощника инспектора классов и ротного командира; 2. в роли руководителя физического воспитания в кадетских классах²⁵. А. Суник, эти периоды очерчивает концом 1850–1880-и гг. (военная служба и военно-педагогическая деятельность), а с конца 1880-х гг. начинается период исследования проблем физического воспитания, гимнастики, спорта. Переломным стал 1888 г., когда А. Бутовского назначили членом комиссии барона Логгина Зедделера при Министерстве просвещения «для разработки вопроса о преподавании военной гимнастики в гражданских учебных заведениях»²⁶. На этой должности он опубликовал целый ряд работ по истории спорта. Помимо военной и спортивной сфер, А. Бутовский проявлял интерес к проблемам кадетских судов, музыки, пения, почерковедения и живописи²⁷.

С 1890 г. на протяжении 16 лет он организовывал курсы для подготовки воспитателей кадетских корпусов²⁸, читал лекции

²² *Послужной список... генерал-лейтенанта Бутовского*, [online], [dostepny: <http://histpol.pl.ua/ru/retrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/vospitanniki-ppkk-generalny?id=1248>], [dostep: 8.09.2020].

²³ С. Бубка, *Многогранная жизнь...*, с. 6.

²⁴ *Ibidem*, с. 6.

²⁵ *Бутовский Алексей Дмитриевич*, в: *Военная энциклопедия*, Санкт-Петербург 1911, т. 5: *Бомбарда-Верецагин*, с. 165–166.

²⁶ *Бутовский Алексей Дмитриевич*, в: *Российское информационное агентство «Руспех»*, Москва 2017, [online], [dostepny: <https://ruspek.ru/people/butovskij-aleksej-dmitrievich>], [dostep: 8.09.2020].

²⁷ А. Суник, *op. cit.*, с. 21.

²⁸ И. Павловский, *История полтавского дворянства. 1802–1902. Очерки по архивным данным*, Полтава 1907, т. 2, с. 179.

по истории и методике телесных упражнений. Для изучения французского опыта в сфере физического воспитания А. Бутовский посетил ряд «атлетических» организаций, для исследования шведской гимнастики – Королевский гимнастический институт в Стокгольме, для изучения английского опыта в сфере спорта – колледж Т. Арнольда²⁹. Во время командировок он познакомился с бароном Пьером де Кубертенем, с которым нашел много общего в вопросах спорта, воспитании молодежи и возрождении Олимпийских игр.

По возвращении в Россию А. Бутовский получил звание генерал-майора. А в 1894 г. генерала пригласили на Международный атлетический конгресс. Несмотря на то, что обстоятельства не позволили ему приехать в Париж, его кандидатура была внесена в список первых 13 членов Международного олимпийского комитета [далее – МОК]. Объясняя принципы выбора кандидатов в МОК, барон П. де Кубертен писал: «Я имел собственное мнение, когда речь шла о выборе членов МОК. Предложенный список был принят без возражений. Это были Викелас для Греции, Калла и я для Франции, и генерал Бутовский для России»³⁰.

Генерал побывал на первых Олимпийских играх 1896 г. и спустя два года попытался организовать Российский олимпийский комитет. Но сделать это не удалось, и А. Бутовский был вынужден в 1900 г. выйти из состава МОК. Несмотря на это, он не оставил идеи физического воспитания молодежи, о чем свидетельствуют его публикации, участие в Брюссельском конгрессе по физическому воспитанию 1905 г., разработка правил «об устройстве состязаний по телесным упражнениям» 1908 г. для военных заведений, создание Главной гимнастическо-фехтовальной школы и т.п. Благодаря инициативе А. Бутовского, в 1912 г. в Российской империи был создан олимпийский комитет и проведены две общеимперские олимпиады в Киеве и Риге³¹.

²⁹ А. Суник, *op. cit.*, с. 15.

³⁰ Н. Иванова, *170 лет со дня рождения Алексея Дмитриевича Бутовского, первого россиянина, ставшего членом Международного Олимпийского Комитета*, в: *Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Лесгафта*, Санкт-Петербург 2008, [online], [dostepny: http://dobrostart.a50a.com/sport/butovsky/spo_butovsky.html], [dostep: 8.09.2020].

³¹ *Бутовский Алексей Дмитриевич*, в: *Российское информационное агентство «Руспех»*, Москва 2017, [online], [dostepny: <https://ruspekh.ru/people/butovskij-aleksej-dmitrievich/>], [dostep:

Умер А. Бутовский 25 февраля (10 марта) 1917 г. в Петрограде и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Несмотря на все заслуги, его кончина прошла незамеченной, очевидно, из-за разразившейся в России революции.

Итак, автор «Летописи» начал военно-педагогическую деятельность в 20 лет, пройдя путь от репетитора в Полтавском кадетском корпусе до генерала по особым поручениям Главного управления военных учебных заведений (с 1897 г.³²), дослужившись до генерал-лейтенанта (1904 г.³³) и генерала от инфантерии (1916 г.)³⁴. Помимо военной и спортивной карьеры он был разносторонней личностью, постоянно искал и внедрял различные инновации. Все это отразилось на «Летописи рода Бутовских», написанной весьма скрупулёзно, при этом не без литературных отступлений.

Для выявления содержательной значимости текста как информационного ресурса сочинению А. Бутовского необходимо найти нишу среди исторических источников, ориентируясь на различные классификационные схемы, в том числе на концепцию когнитивной истории³⁵. Так, согласно современным классификациям источников, бытующих в западной историографии, его скорее можно определить, как первичный («primary»), умышленный («deliberate», согласно Д. Фоксу) источник-документ, поскольку он состоит из впечатлений, сознательно записанных с целью передачи информации (по К. Гуду и Д. Скейтсу)³⁶. По другой классификации произведение являет собой опубликованные личные записи («personal records» Д. Ван Далена)³⁷. По типу же источник

8.09.2020]; *Российские олимпиады*, в: *Лёгкая атлетика. Энциклопедия*, сост. В. Зеличёнок, В. Спичков, В. Штейнбах, Москва 2013, т. 2, с. 231; А. Чернов, *Олимпийский генерал*, в: *Зеркало недели*, вып. 24, Киев 2013, [online], [dostepny: https://zn.ua/personalities/olimpiyskiy-general_.html], [dostep: 8.09.2020].

³² *Бутовский Алексей Дмитриевич*, в: *Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1897 года*, Санкт-Петербург 1897, с. 666.

³³ *Послужной список... генерал-лейтенанта Бутовского*, [online], [dostepny: <http://histpol.pl.ua/ru/retrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/vospitanniki-ppkk-general?id=1248>], [dostep: 8.09.2020].

³⁴ *Список генеральских чинов российской императорской армии и флота*, в: *Генералитет российской императорской армии и флота*, [online], [dostepny: http://www.rusgeneral.ru/general_b8.html], [dostep: 8.09.2020].

³⁵ О. Медушевская, *Теория и методология когнитивной истории*, Москва 2008, с. 352.

³⁶ S. Formosa, S. Scicluna, J. Azzopardi, J. Formosa Pace, T. Calafato, *The Research Road We Make: Statistics for the Uninitiated*, Valletta 2011, p. 93; A. Meroño-Peñuela, A. Ashkpour, M. van Erp, K. Mandemakers, L. Breure, A. Scharnhorst, S. Schlobach, F. van Harmelen, *Semantic technologies for historical research: A survey*, in: *Semantic Web*, Amsterdam 2015, vol. 6, № 6, p. 539–564.

³⁷ C. Sevilla, J. Ochave, T. Punsalan, B. Regala, G. Uriarte, *Research Methods*, Manila 1992, p. 73–74.

дескриптивен, в виду ограниченных достоверностью фактов, представленных автором, сообщающим о событиях³⁸.

Вместе с тем, опираясь на традиционные для постсоветского пространства классификации источников, сочинение А. Бутовского можно отнести к словесным по типу историческим источникам, являющимся результатом целенаправленной деятельности (С. Шмидт). Придерживаясь критериев «наиболее важной, отвечающей главной задаче источниковедения»³⁹ типологической классификации, учитывая при этом деления на типы и роды, «В родном гнезде» А. Бутовского можно определить: 1. по типу как нарративный источник; 2. по виду – письменный источник литературного характера и личного происхождения; 3. по разряду – исторический труд мемуарной литературы.

Таким образом, используя различные подходы к классификации, сочинение А. Бутовского можно отнести к письменным источникам личного происхождения и литературного направления. При этом источник настолько эклектичен, что находится на границе между научным историописанием и общественной мыслью. Анализ «летописи» методом «thick description» дает возможность не только изучить сам текст, но и охватить более широкий контекст⁴⁰. Полифоничность этого произведения позволяет выйти за рамки биографии и семейной истории и использовать его в изучении целого ряда сюжетов. Так, «Летопись» дает возможность подробнее реконструировать позиции уездного дворянства накануне Крестьянской реформы, его готовность принять новую социальную реальность, существенно уточнить специфику работы Полтавского дворянского комитета в начале эпохи реформ, а также проследить связь разных поколений дворянской элиты, понять особенности межличностных отношений.

Важно отметить, что «Летопись» может быть информативной и при изучении дворянской группы конвертированных евреев Российской империи, поскольку одним из её героев стал

³⁸ M. Kuefler, *Interpreting sources critically*, [online], [dostępný: <https://mkuefler.sdsu.edu/WritingFiles/W06.htm>], [dostępný: 8.09.2020].

³⁹ *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*, сост. И. Данилевский, В. Кабанов, О. Медушевская, М. Румянцова, Москва 1998, с. 145.

⁴⁰ C. Geertz, *Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture*, in: *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*, New York 1973, p. 3–30.

еврей-выкрест Михаил Павлович Позен (1798–1871). Будучи крупным полтавским помещиком, он сделал блестящую карьеру в Санкт-Петербурге и стал активным деятелем реформы об отмене крепостного права. Таким образом, М. Позен был «своим чужим» для местной дворянской элиты. Это позволяет не только уточнить историографический образ этой персоны, но и исследовать проблему «метрополия/периферия», «свой/чужой» и т. п.

Личность М. Позена вызывает научный интерес тем, что на его примере можно проследить основные модернизационные веяния в России, а также модели интеграции конвертированных евреев не только в социальные, но и в бюрократические структуры империи. Основные вехи биографии М. Позена, как и особенности формирования его историографического образа, где доминировали определения «крепосник», «реакционер», «плантатор», уже представлены историками⁴¹. Все же, не останавливаясь на этом детально, необходимо сделать некоторые пояснения для более адекватной оценки информационного потенциала «Летописи».

После создания в 1817 г. «Общества израильских христиан», способствовавшего крещению евреев, М. Позен принял православие и получил место в Департаменте образования. В конце правления Александра I, сопровождавшегося религиозным мистицизмом, М. Позен перевел сочинение миссионера Иоганна Госснера, чем снискал внимание образованной публики столицы. Позднее он служил в Департаменте государственного имущества, Департаменте различных налогов и сборов, был чиновником для особых поручений при управителе Военным министерством, руководил I отделением Канцелярии Генерального штаба, I отделением канцелярии Военного министерства, был старшим чиновником Военно-походной канцелярии императора, управлял делами Комитета по устройству Закавказского края, VI временного отделения Императорской канцелярии, в котором сосредотачивались дела по Закавказью. В отставку М. Позен вышел в 1845 г.

⁴¹ И. Давидович, *Позен Михаил Павлович*, в: *Русский биографический словарь*, Санкт-Петербург 1905, т. 14, Плавильщиков – Примо, с. 265–266; Т. Литвинова, *Прижизненная репутация и историографическая судьба М. П. Позена*, в: *Вестник Омского университета*, Серия: «Исторические науки», Омск 2014, № 4, с. 44–50; И. Павловский, *op. cit.*, с. 53–54; Н. Чулков, *Русское дворянство еврейского происхождения*, в: *Вестник архивиста*, Москва 2002, № 4–5, с. 294–308.

тайным советником, кавалером многих орденов, в том числе ордена св. Станислава I степени, прусского ордена Красного орла III степени, австрийского ордена Леопольда⁴².

М. Позен также имел большой опыт финансово-хозяйственной и законодательской деятельности, поскольку в эпоху Николая I активно работал в многочисленных комитетах и комиссиях, о чем свидетельствуют разработки им проекта цензурного устава 1826 г., положения по устройству Закавказья, продолжения «Свода военных законов», устройства Черноморского казачьего войска и т.п.⁴³. В рассматриваемый в «Летописи» период М. Позен уже был заметной фигурой в бюрократическом аппарате империи. В связи с этим весьма ценным является его вклад в подготовку реформы 1861 г. Идеи М. Позена вызвали дискуссии как на губернском, так и на общеимперском уровне. В результате критического отношения бюрократов-реформаторов к его проекту освобождения крестьян еще современниками он был вписан в отряд «ярых крепостников». Историки, не перегружая себя скрупулезными персоналогическими штудиями и поиском новых источников, повторили почти все ранее выставленные М. Позену оценки. Попутно замечу, что нелицеприятные характеристики в историографии получил и Полтавский губернский комитет по обустройству быта крепостных крестьян (как, впрочем, и другие комитеты), в котором работал М. Позен в качестве депутата от дворянства Хорольского уезда. Это можно объяснить не только идейными предпочтениями историков, но и скудостью источниковой базы.

В этой связи тексты А. Бутовского, касающиеся кануна Великих реформ, представляют значительный исследовательский интерес, поскольку позволяют проследить настроения провинциального общества в 1858–1861 гг. Относительно этого непростого, переломного момента истории автор писал: «Это были чудные годы, не потому, что мы были молоды, а потому, что в эти годы все русские люди как бы просыпались от долгого сна и переживали свою молодость. Мы были увлечены новыми течениями

⁴² Позен Михаил Павлович, в: *Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721-2.03.1917)*, сост. Е. Потемкин, Москва 2017, т. II. И–П, с. 601.

⁴³ Т. Литвинова, *op. cit.*, с. 45.

в литературе, читали с захватом “Обломова”, “Дворянское гнездо”, “Накануне” и чувствовали, что перед нами открываются новые, неведомые еще горизонты, что перед нами стоит задача расширения нашего мировоззрения, слишком суженного в толь-ко что закончившийся период нашего воспитания»⁴⁴.

В тексте «Летописи» М. Позен упоминался несколько раз. При этом генерал широко цитировал материалы своего отца и его личные оценки как этого деятеля, так и работы Полтавского губернского комитета по крестьянской проблеме, материалы которого не сохранились. Это дает возможность проследить отношение разных поколений провинциальной социальной элиты к реформам, к модернизации империи, а также взаимоотношения различных групп дворян в системе «центр-периферия». Информационный потенциал источника можно использовать для реконструкции практик повседневной деятельности комитета, определения роли и позиций его членов в подготовке Крестьянской реформы, особенности эволюции идей. Анализ произведения с микроисторической и полидисциплинарной перспективы, с позиций «новой локальной истории» позволяет через историю отдельных личностей воссоздать семейную историю, историю личности и ее взаимодействия с обществом, «коллективную биографию локальной общности»⁴⁵, политические, социальные и иные аспекты микросообщества⁴⁶, выявить не только круг знакомств, степень влияния М. Позена на членов комитета, но и отношение уездного дворянства к идеям еврея-выкреста как «своего чужого».

Значительные информационные возможности предоставляет также поданная в «Летописи» ежедневная переписка матери и отца автора. Д. Бутовский, один из образованнейших полтавских помещиков, окончивший Харьковский университет, в тот период

⁴⁴ А. Бутовский, *Прекратившийся род (Из воспоминаний А. Д. Бутовского)*, Петроград 1915, с. 12.

⁴⁵ С. Маловичко, Т. Булыгина, *Современная историческая наука и изучение локальной истории, в: Новая локальная история: материалы первой всероссийской научной интернет-конференции (г. Ставрополь, 23 мая 2003 г.)*, Ставрополь 2003, вып. 1. *Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография*, [online], [dostepny: <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>], [dostep: 8.09.2020].

⁴⁶ О. Сухова, *Российская провинция и вызовы модернизации: проблемы методологии и историографии исследования*, в: *Известия ПГПУ им. В. Белинского*, Пенза 2012, № 27, с. 1025.

был выборным членом от дворянства Кременчугского уезда и хорошо ориентировался «в закулисье» Полтавского комитета⁴⁷. Важно также, что Дмитрий Петрович активно демонстрировал свои позиции на страницах авторитетных в то время общероссийских изданий⁴⁸. Эту переписку родителей генерал А. Бутовский охарактеризовал как «двойной дневник», представляющий интерес «иногда случайными заметками и правдивыми чертами, которые характеризуют отношение отца к своим сочленам и вообще к губернскому обществу, его жизнь в Полтаве». При этом Д. Бутовский не оставался лишь в рамках уездного пространства, но и благодаря писательскому таланту имел обширный круг знакомств в среде столичной элиты⁴⁹. Широкий кругозор позволил наиболее детально зафиксировать предпосылки и особенности создания Полтавского комитета. При этом немалая роль отводится именно М. Позену. Так, накануне открытия комитета, 20 октября 1858 г. именно он собрал депутатов на банкете, где прочитал собственный проект, «написанный в опровержение устройства начальников уезда, станowych исправников и волостей». Как отмечал Д. Бутовский, проект был «написан умно, основательно и с полным знанием дела»⁵⁰. В «Летописи» подается и состав членов Полтавского комитета, участвовавший в этом банкете – А. Алексеев, П. Бакланов, М. Маркевич, К. Катеринич, А. Богданович и В. Туманский.

Согласно «Летописи», для уездного дворянства проект М. Позена, был своего рода открытием. Хотя по другим данным, о нем было известно задолго до создания губернских комитетов. Так, в дневнике профессора П. Бартенева от 7 февраля 1857 г. отмечалось, что среди столичного дворянства уже распространялся проект М. Позена наравне с проектами К. Кавелина, Н. Жеребцова

⁴⁷ От уезда в состав комитета также входили предводитель дворянства А. Остроградский и В. Капнист, q. v.: А. Бутовский, *В родном гнезде (Летопись рода Бутовских)*, в: А. Бутовский, *Собрание сочинений*, в 4 т., сост. С. Бубка, М. Булатова, Киев 2009, т. 4, с. 334.

⁴⁸ Д. Бутовский, *Заметка для составления проекта положения о переходах крестьян Полтавской губернии*, в: *Сельское благоустройство*, Москва 1858, кн. 4, № 12, с. 161–162; idem, *Продажные цены на земли в Полтавской губернии*, в: *Журнал Министерства внутренних дел*, Санкт-Петербург 1860, ч. 40, кн. 1, отд. 2, с. 1–8.

⁴⁹ На это указывает переписка с деятелями пушкинской плеяды, где подчеркивалась его «замечательная по многим отношениям» повесть – *Письмо О. М. Сомова Д. П. Бутовскому*, в: *Северные цветы на 1832 год*, Москва 1980, с. 287–288.

⁵⁰ А. Бутовский, op. cit., с. 336.

и Б. Чичерина. Профессор особо выделял проекты «главных сотрудников «Русской Беседы» – Ю. Самарина, князя В. Черкасского и А. Кошелева⁵¹, ставших впоследствии основными «конкурентами» М. Позена в Редакционных комиссиях. О популярности позеновского проекта писал и профессор А. Никитенко, упоминавший о собраниях сановников у этого деятеля весной 1858 г., на которых «много было говорено о крестьянском вопросе»⁵². При этом, профессор считал, что М. Позен «делец-приобретатель» в чиновничьей среде⁵³.

Поэтому неудивительно, что в начале работы Полтавского губернского комитета М. Позена, который хотя и был немного чужим для уездного дворянства, считали одним из возможных претендентов на пост вице-председателя комитета, наравне с В. Туманским, М. Белухой-Кохановским и А. Остроградским. В обязанности вице-председателя входило руководство деятельностью комитета вместо предводителя губернского дворянства князя Л. Кочубея, болевшего каменной болезнью⁵⁴. Согласно данным А. Бутовского, на этапе создания комитета его участники позитивно настроились на плодотворную работу. Однако уже 15 ноября 1858 г. во время обсуждения программы возникли споры. Стихийно образовалось две группировки, одну из которых возглавил М. Позен, а другую – П. Гудим-Левкович с А. Остроградским, вначале поддержавшим идеи М. Позена. Согласно «Летописи», в состав редакторов программы М. Позен избран не был.

Судя по данным источника, в ходе работы комитета менялись и позиции Д. Бутовского. Его идеи относительно внесения в журнал заседания положения о ликвидации крепостного права 23 ноября 1858 г. поддержали князь Л. Кочубей и М. Позен. Но уже 30 ноября 1858 г. Д. Бутовский «оспаривал мудреные предложения, вытекшие из мнения, поданного Позеном»⁵⁵. Он составил записку, которую 11 декабря 1858 г. поддержало большинство комитета.

⁵¹ «Тайники чужой души»: Дневник П. И. Бартенева. 1854–1858 гг., публ. И. Смирновой, в: *Исторический архив*, Москва 2000, [online], [dostepny: <https://prozhito.org/notes?date=%221857-01-01%22&diaries=%5B1864%5D>], [dostep: 8.09.2020].

⁵² 5 апреля 1858 г., в: А. Никитенко, *Дневник*, Москва 1955, т. 2: 1858–1865, с. 16.

⁵³ 24 июня 1858 г., в: *ibidem*, с. 28.

⁵⁴ А. Бутовский, *op. cit.*, с. 337.

⁵⁵ *Ibidem*, с. 340.

При этом, сам Бутовский волновался, что его новая записка, направленная против перехода крестьян во время срочно-обязанного положения на купленные земли без воли помещика, «может быть, восстановит против меня главных эмансипаторов» – князя Л. Кочубея, М. Позена и А. Остроградского. Тем не менее, дискуссии о ней на трех заседаниях до 14 декабря «к тому перемешались, что сам Позен, который больше всего настаивал, сегодня предложил вновь баллотировать [предлагаемые изменения положения – Н. Б.], говоря: Нельзя не согласиться с изложением доводов Дмитрия Петровича». Важным становится и то, что один из членов комитета В. Туманский считал позицию Д. Бутовского консервативной, и направленной против «эмансипаторских» тенденций М. Позена и других членов комитета («вот наш консерватор, потом пожал мне руку по-дружески») ⁵⁶.

Итак, во время работы комитета отношение уездного дворянства к М. Позену и его проекту постоянно менялось. Изначально проект был принят положительно и считался прогрессивным, но во время дискуссий некоторые члены стали более критичны и пытались сохранить свои «консервативные» позиции в противовес «эмансипаторским» идеям, связанного со столичными кругами, М. Позена.

Любопытными предстают в «Летописи» и личные взаимоотношения семьи Бутовских с представителем чуждой среды. Так, А. Бутовский писал об особом положении отца в комитете, которое состояло в том, что тот «был человек совершенно беспартийный»; «не принадлежал ни к крепостникам, отстаивавшим помещичьи интересы в ущерб крестьянским, ни к тем немногим в то время передовым людям, которые стремились создать новое сословие на развалинах помещичьего благосостояния»; «заботился о согласовании интересов помещиков и крестьян» ⁵⁷. Подобная позиция способствовала хорошим отношениям Д. Бутовского с князем Л. Кочубеем, М. Позеном и М. Белухой-Кохановским, благодаря которым автор «Летописи» и вошел в круг губернского дворянства ⁵⁸. Лестно описывал Д. Бутовский и поздравление

⁵⁶ Ibidem, с. 341.

⁵⁷ Ibidem, с. 335.

⁵⁸ Ibidem, с. 339.

М. Позена 15 ноября 1858 г. по поводу назначения его двоюродного брата [Александра Ивановича Бутовского – Н. Б.] директором «мануфактурного департамента» [очевидно, речь идет о Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов – Н. Б.]. Помимо вежливого поздравления, М. Позен также отправил и поздравительное письмо министру «с таким удачным выбором»⁵⁹. Не смотря на дружеские отношения, Д. Бутовский «секретно» заострял внимание, что цель группы «главного эмансипатора» М. Позена «доставить им чины, ордена, места». Свои же цели он декларировал так: «... для того, чтобы устроить дело в пользу дворян, удостоивших избрать меня, и в пользу крестьян, моих меньших братьев»⁶⁰.

О неприятии М. Позена уездным дворянством в ходе работы комитета указывал и генерал А. Бутовский, описывая выбор депутатов для работы Редакционных комиссий по крестьянскому делу в Петербурге. И хотя делегатом от Полтавы был избран А. Богданович, генерал не без доли сарказма замечал, что «по распоряжению свыше» к работе привлечен и М. Позен⁶¹. Тем не менее, согласно другим источникам, позиция М. Позена была достаточно активной. Понимая, что в комитете «преобладает элемент бюрократический», он вместе с киевским губернским предводителем дворянства Октавианом Ярошинским выступал против политики «безусловного согласия на заранее заготовленную программу», которую требовали руководители комитета⁶².

Вместе с тем следует признать, что сопротивление идеям М. Позена не было таким яростным, как в среде столичного дворянства. В источнике среди «отличия» М. Позена от других уездных дворян выделяется лишь его высокое положение («сановитый член комитета»). Часть же столичного дворянства всячески пыталась подчеркнуть его этническое происхождение и связанные с этим стереотипы (А. Кошелев, М. Милютин, К. Фишер, Я. Соловьев и др.). Благодаря этому критически сокрушительную позицию относительно роли М. Позена в Крестьянской реформе

⁵⁹ Ibidem, с. 340.

⁶⁰ Ibidem, с. 341.

⁶¹ Ibidem, с. 342.

⁶² 10 октября 1859 г., в: А. Никитенко, *op. cit.*, с. 97.

заняли и некоторые представители уездного дворянства. Так, полтавский помещик Г. Галаган после «падения» М. Позена подчеркивал, что «мы не имеем с Позеном ничего общего»⁶³. Зато примером сопротивления этим «национальным» нападкам можно считать позицию известного писателя и публициста той поры А. Герцена, критиковавшего проявления среди столичного дворянства «христианской нетерпимости» в отношении еврейского происхождения реформатора⁶⁴.

Итак, внимание к подобным «Летописи» А. Бутовского источникам не случайно, поскольку именно в таких «ненадежных», «субъективных» эго-документах, по словам Л. Репиной, «личность предстает ... не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, со всем окружающим миром в самых разных его проявлениях»⁶⁵. К тому же представленный текст помогает «разсеять установившийся взгляд на Позена, как противника крестьянской реформы»⁶⁶, за что так ратовал в начале XX в. один из лучших знатоков истории полтавского дворянства И. Павловский. Вместе с опубликованными за границей самим М. Позеном, так сказать, «по горячим следам», «Бумагам по крестьянскому делу»⁶⁷, «Летопись» также позволяет создать более панорамную картину жизни провинциального дворянства в один из переломных моментов его истории, прояснить проблему социальных и национальных идентичностей, механизмы формирования самоидентификации, перекрестных идентичностей.

⁶³ *На заре крестьянской свободы (материалы для характеристики общества) (1857–1861 гг.)*, в: *Русская старина*, Санкт-Петербург 1897, т. 92, кн. 10, с. 29.

⁶⁴ А. Герцен, *О евреях (письмо к редактору)*, в: А. Герцен, *Полное собрание сочинений, в 30 тт.*, Москва 1958, т. 13. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 годов, с. 434.

⁶⁵ Л. Репина, *Персональная история и интеллектуальная биография*, в: *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, № 8, Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография, Москва 2002, с. 6.

⁶⁶ И. Павловский, *op. cit.*, с. 54.

⁶⁷ М. Позен, *Бумаги по крестьянскому делу*, Дрезден 1864, 331 с.

Summary

Chronicle of the Butovskys: Source Study Opportunities to Research the Positions of the Left-Bank Ukrainian Nobility on the Eve of the Great Reforms

Using *Chronicle of the Butovskys* as a source example, the paper analyses its potential for describing positions of the Ukrainian elite in the Great Reforms and the place of converted Jews among this process. After changing faith, converted Jews like M. Posen were able to achieve a high position in society, receive a noble title, and take part in the development of a number of important projects for reforming the empire. The formation of M. Posen's historiographic image was markedly influenced by the ideological struggle during the preparation of the 1861 Reform and the tendentious assessments of his positions by "liberal bureaucrats", becoming dominant in historiography. Such an image of M. Posen and the positions of the Left-Bank Ukrainian nobility in the Great Reforms still remains tendentious and poorly understood. The purpose of the research is to show the attitude of the uyezd nobility in the Great Reforms, based on the *Chronicle of the Butovskys* compiled by General A. Butovsky. The study used various approaches of interdisciplinary analysis: microhistorical approaches, hermeneutic methods, etc. Outlined is here not only the circle of acquaintances and the degree of influence of M. Posen on other landlords, who were the members of the Editing Commissions, but also the attitude of the uyezd nobility to the ideas of converted Jew about the modernization. To a large extent, it was possible to establish the peculiarities of the relationship between the reformer and the local nobility and the everyday practices of their communication. The paper's perspective of the paper, thanks to the expansion of the circle of sources, allows us to trace the connection between different generations of the nobility, the situation of a converted Jew and also to overcome the historiographical tradition in the perception of different ideas by nobility at the county and all-imperial levels during the preparation to the Great Reforms.

Streszczenie

Kronika rodziny Butowskich: źródłoznawcze możliwości poznawcze pozycji szlachty lewobrzeżnej Ukrainy w przededniu Wielkich Reform

Korzystając z *Kroniki rodziny Butowskich* jako źródła historycznego, w artykule dokonano analizy potencjału elity ukraińskiej w czasie Wielkich Reform, a także miejsca w tym procesie nawróconych Żydów. Żydzi nawróceni, jak na przykład M. Posen, po zmianie wiary potrafili osiągnąć wysoką pozycję społeczną, otrzymywali tytuł szlachecki, brali udział w opracowaniu wielu ważnych projektów reform w Imperium Rosyjskim. Na kształtowanie się historiograficznego obrazu M. Posena znaczący wpływ miała walka ideologiczna w czasie przygotowań do Reformy 1861 roku oraz subiektywne oceny jego pozycji społecznej dokonywane przez „liberalnych biurokratów”, które zdominowały historiografię. Taki obraz M. Posena i pozycji lewobrzeżnej ukraińskiej szlachty w okresie Wielkich Reform jest stronniczy i niezrozumiały. Celem badań było ukazanie postawy szlachty powiatowej w okresie Wielkich Reform na podstawie *Kroniki rodziny Butowskich* opracowanej przez generała A. Butowskiego. W artykule wykorzystano różne podejścia do analizy interdyscyplinarnej: ujęcia mikrohistoryczne, metody hermeneutyczne itp. Nakreślono nie tylko krąg znajomych i stopień wpływu M. Posena, ale także stosunek szlachty powiatowej do poglądów nawróconego Żyda na temat modernizacji kraju. W dużej mierze udało się ustalić specyfikę relacji między reformatorem a miejscową szlachtą oraz codzienne praktyki ich komunikacji. Perspektywa artykułu, dzięki poszerzeniu kręgu źródeł, pozwala prześledzić powiązania między różnymi pokoleniami szlachty, sytuację Żyda nawróconego i przełamać tradycję historiograficzną w postrzeganiu różnych idei przez szlachtę na poziomie powiatu i Cesarstwa Rosyjskiego w okresie przygotowań do Wielkich Reform.

Słowa kluczowe: A. Butowski, M. Posen, Wielkie Reformy, powiat, szlachta połtawska

Keywords: A. Butovsky, M. Posen, The Great Reforms, county, Poltava nobility